

54 минуты. У всех есть причины бояться мальчика с ружьем

Автор:

[Марике Нийкамп](#)

54 минуты. У всех есть причины бояться мальчика с ружьем

Марике Нийкамп

Young story. Книги, которые тебя понимают

Душный актовый зал. Скучная речь директора. Обычное начало учебного года в школе Оппортьюнити, штат Алабама, где редко происходит что-то интересное.

Пока не гремит выстрел... Затем еще один и еще. Парень с ружьем, который отчаялся быть услышанным.

Кто над ним смеялся? Кто предал? Кто мог ему помочь, но не стал? Они все здесь, в запертом актовом зале. Теперь их жизни зависят от эмоций сломленного подростка, который решил, что ему больше нечего терять...

Абсолютный бестселлер в Америке. Лауреат книжных премий.

В русское издание включено послесловие психолога Елены Кандыбиной, в котором она рассказывает о причинах стрельбы в школах и дает советы, как эту ситуацию предотвратить.

Используй хештег #54минуты, чтобы поделиться своим мнением о книге.

Марике Нийкамп

54 минуты. У всех есть причины бояться мальчика с ружьем

Маме с любовью

Marieki Nijkamp

THIS IS WHERE IT ENDS

Copyright © 2016 by Marieki Nijkamp

Cover image © Mark Watson (kalimistuk) / Getty Images

© Новикова Т.О., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава первая

10:01–10:02

Клер

Выстрел стартового пистолета нарушил тишину, и бегуны сорвались с места.

Беговой сезон начинается через пару недель, но никто не сказал тренеру Линдту про зиму. Он убежден, что единственный способ держать нас в форме – это тренировки. Даже когда дыхание замерзает прямо на глазах.

Мы живем в Оппортьюнити, штат Алабама. Нормальные люди, когда на улице становится бело и морозно, вообще не выходят из дома. Мы запасаемся консервами, пьем горячий шоколад до сахарной комы и молимся о спасении от холода.

Но тренировки в начале сезона у тренера Линдта по утомительности способны превзойти даже длинные и нудные речи директора Трентон в начале семестра – добродетель, упорный труд и достойное поведение, юные леди и джентльмены. После почти четырех лет, проведенных в старшей школе Оппортьюнити, я могу цитировать ее слова наизусть, что и сделала для Мэтта за завтраком сегодня утром – ответственность, возможности («извините за невольный каламбур»)[1 - Игра слов: opportunity – возможность (англ.).] и ее любимое, девиз нашей школы: «Мы формируем будущее».

Все это звучит прекрасно, но до выпускного осталось несколько месяцев, а я не представляю, как же выглядит это самое будущее. Если меня сформировала Оппортьюнити, то я этого не заметила. Вот бег я понимаю. Этот трек я понимаю. Шаг за шагом, шаг за шагом. Неважно, что ждет впереди, пока я двигаюсь вперед.

И тут я поскользываюсь и спотыкаюсь.

Тренер беснуется на поле:

– Клер, внимательнее! Один неверный шаг отделяет успех от неудачи.

Я выпрямляюсь и пытаюсь сконцентрироваться.

Знакомый смех нарушает утреннюю тишину.

– Ты не замерзла на каникулах, Сардж? Тебя даже улитка поймала бы – так ты плетешься.

На прямом участке трека меня догоняет Крис.

Я делаю глубокий вдох и отвечаю:

– Заткнись, Крис.

Мой лучший друг хохочет еще громче. Ровный ритм его шагов и дыхания мешает мне найти свой ритм. Его присутствие отвлекает меня, как всегда. Высокий, с выгоревшими волосами и синими глазами, Крис не просто лучший бегун, но еще и образцовый мальчик-атлет Оппортьюнити. В начале семестра все новенькие девчонки с ним заигрывают.

Когда Крис рядом, мои шаги укорачиваются. Остальные три члена нашей команды далеко позади. Они на другой стороне поля. Мы с Крисом движемся идеально синхронно, и сам воздух расступается перед нами.

Ничто не может коснуться нас. Ни снег. Ни даже время.

Томас

Время поджигает. Маленькие часы на книжной полке играют раздражающий мотивчик. Десять часов. Я вырубаю его со скоростью звука. Ну же, ну же, ну же...

Суперклей, хитроумно нанесенный на ящики стола моего любимого учителя испанского языка, мистера Посмотрите-ка-На-Ходячий-Кризис-Среднего-Возраста, очень быстро привел нас с Фаром в административный офис. Не сумей мы взломать замок на двери директора Трентон, пришлось бы расстаться с ученическими билетами. И все это будет зря, если я не смогу найти нужную папку. Я просматриваю папки в шкафу. Когда в мой бок впивается локоть, я возмущаюсь:

– Черт, Фар! Что за хрень?

Фарид закатывает глаза и жестом показывает, чтобы я говорил потише. «Кто-то в коридоре», – беззвучно шевелит он губами и на цыпочках подходит к двери.

Вот гадство!

И как это объяснить? «Нет, мэ, я не делал ничего такого, только влез в школьные документы»?

Да все равно. Уверен, у меня есть законное право увидеть свои документы, так что всегда можно сказать это в свою защиту. И хотя в моих руках папка с надписью «Фамилии: А – В» вместо «Фамилии: М – Н», так это всего лишь совпадение. Никто не знает, чьи документы я ищу, только Фар. И даже он не знает истинной причины.

В любом случае я всегда могу «найти» Аль-Сахар, Фарид – в качестве прикрытия.

Тишина.

Дверь в административный офис открывается и закрывается. Щелкает замок.

Под чьими-то ногами скрипит линолеум.

Шаги затихают перед дверью кабинета директора.

Я тихо закрываю ящик с папками. Лучше не напрашиваться на неприятности – на новые неприятности, если меня поймают с поличным.

Мы с Фаром затаиваем дыхание.

Через минуту, которая кажется нам вечностью, шаги удаляются.

Кто бы это ни был, ему не удалось нас поймать. Не сегодня.

Отем

– Все зависит от решений, которые вы принимаете сегодня и каждый день. Ваше поведение отражается не только на вас, но и на ваших родителях, семье и школе. Здесь, в Оппортьюнити, мы гордимся тем, что формируем докторов, адвокатов и политиков завтрашнего дня. И выбор, который вы сделаете сегодня,

определит ваше будущее. Вы должны задуматься, как проявить себя с лучшей стороны. Спрашивайте себя, не что школа может сделать для вас, а что вы можете сделать для школы.

Трентон держит микрофон очень свободно, но взглядом цепко обшаривает толпу, словно запоминая каждое лицо. Ученики приходят и уходят, не оставляя после себя даже легкого воспоминания, кроме имен, нацарапанных на партах и в кабинках туалетов. Но она знает нас всех.

Все наши надежды. Все наши трагедии. Все наши бессонные ночи.

Ее взгляд останавливается на мне, и мои щеки заливают румянец. Я наклоняюсь к стулу справа, но взгляд не отстает, точно такой же, как в начале собрания. Пустой.

Слева Сильв стонет:

– После всех этих лет ты думала, она скажет что-то более оригинальное?

– Разве ты не хочешь проявить себя с лучшей стороны? – мои слова звучат резче, чем мне хотелось бы.

Сильв ворчит.

Вообще-то ей есть из чего выбирать. Сильв пригласили во все колледжи ее мечты. И я должна быть счастлива за нее. Я и счастлива.

Но для меня колледж – единственный способ вырваться из этой дыры. Я точно знаю, что отец не собирается оплачивать мое бегство. И уроки танцев. «Посмотри, что произошло с твоей матерью, – скажет он, словно я не считала дни, часы, минуты со дня той катастрофы. – Танцы забрали у нее все. Моя дочь никогда не будет этим заниматься. Пока я способен это остановить».

И он пытается остановить меня каждый день. А когда мама ушла, его самого остановить стало некому. Ни в пьянстве. Ни в рукоприкладстве. Некому сохранить нашу семью от распада.

Я сжимаю щербатую кофейную чашку, вытаскиваю из-под стула джинсовую сумку и пытаюсь забыть голос Тая. Брат сказал бы, что слова директора Трентон куда справедливее, чем мне кажется, что мир лежит у моих ног и только я могу сделать свое будущее самым лучшим.

Я попыталась – и проиграла. А теперь предпочитаю сбежать.

Сильв

Я вжимаюсь в стул и смотрю на пустое место рядом с Отем. Он вообще не пришел. Он должен был уже прийти. Он не придет, а даже если придет, не вспомнит про меня. Я ничего не значу. По крайней мере, для него.

Он не придет.

Узел в животе то сжимается, то расслабляется с ходом моих мыслей. Я могла бы спросить у Отем про Тайлера, но она погрузилась в воспоминания. Сегодня два года с той катастрофы. Она не хочет делить свое горе со мной – и ни с кем другим. Даже когда улыбается, она совсем не та, какой была прежде.

И я скучаю по ней.

Иногда, когда ей кажется, что никто не смотрит, она движется по коридорам словно летит. *La golondrina*, как ее называла Мама?. Ласточка. Воплощенная грация и красота. Когда Отем танцует, все ее тревоги исчезают, и она светится.

Как бы я хотела, чтобы она танцевала вечно.

Madre de Dios[2 - Богородица (исп.)], как бы я хотела вечно смотреть на ее танец.

Но сегодня очередной понедельник. Жизнь продолжается. Собрание кончилось, и Отем выпрямляется, как шомпол. Я – единственная, кто знает, что она выпорхнет из этой клетки и оставит нас позади, как только сможет.

А меня поджидает зачет по американской истории, но я даже книги в руки не брала. Мама? снова не в себе. В прошлую субботу мы должны были вместе ехать в город, но когда Абуэло (дед) подал машину, она его не узнала. Она не хотела выходить из дома и не понимала, куда мы собираемся. Я несколько часов просидела с ней. Я разговаривала с ней – послушай, Мама?... Я рассказывала ей истории, которые скрепляли нашу семью вокруг нее. Она долго не приходит в себя после таких приступов, а я не могу избавиться от чувства, что с каждым днем она ускользает все дальше, как звездный свет на рассвете.

Ну хоть с историей все нормально. Там всегда известно, что все закончится хорошо.

Си Джей Джонсон

@CadetCJ

Спааааать.

10:01 AM

Джей @JEyck32 10:01 AM

В ответ @CadetCJ

#снежныйденькаксегодня

Си Джей Джонсон @CadetCJ 10:01 AM

В ответ @JEyck32

На собрании будешь спать?

>_> #большепохоженапохмелье

Си Джей Джонсон @CadetCJJ 10:02 AM

В ответ @Клер_Морган

Можно попросить младших, чтобы принесли мне кофе?

Глава вторая

10:02-10:04

Томас

Я тянусь к вазе на столе и закидываю в рот мятные конфетки. Фар сторожит у двери. Когда он дает знак, что все тихо, я снова открываю шкаф с документами. Работы немного. Нужно только время.

Директор Трентон, похоже, все еще живет в доцифровую эпоху, но она сама – как киборг. Она всегда говорит ровно до десяти, оставляя пять минут до звонка на объявления. К концу собрания все разбегаются, чтобы попасть в классы к третьему уроку. Ну, теоретически. Учителя и остальной персонал тоже в зале, и они не торопятся.

Все поднимаются, чтобы уйти, потом шагают, тащатся, выскользывают, чтобы затянуться или вдохнуть воздуха (одно не исключает другого, спасибо большое). В конце концов, даже никотин и деготь пахнут лучше, чем наш актовый зал, где царит уникальный запах тестостерона, пота и горелого кофе.

Но мы заходим слишком далеко.

- Ненавижу бумажки.

- Может, тебе стоит остаться на ферме, - подначивает Фарид. - Честная работа и тяжелый труд мозгов не требуют.

- Издеваешься.

Пальцы мои нащупывают его папку, и я вытаскиваю ее из ящика.

- Хочешь посмотреть рекомендательное письмо мистера О'Брайена к твоим заявлениям в колледж?

Фар протягивает руку, и я передаю ему документы. Несколько листков выпадают из папки, прежде чем он ее подхватывает.

- Варвар.

Я фыркаю.

- Прости. Нет, не стоит.

- На этом снимке я такой юный и невинный, - вздыхает Фарид, глядя на обложку.

У большинства из нашего класса на обложке старая фотография, сделанная три года назад, когда мы были еще новичками. Но в его случае...

- Эту фотографию сделали в последний год!

- Как ты меня развращаешь! Без твоих блестящих идей я был бы нормальным отличником, не имел бы проблем с законом, да и девушки возле меня увивались бы.

- Ну конечно... - Я достаю из шкафа другую папку. - Рассказывай.

Фарид что-то бормочет под нос, но я не обращаю внимания.

С обложки на меня смотрит знакомая фотография.

Бинго.

Браун, Тайлер. Напомаженные светлые волосы, блеклые глаза и такой знакомый пустой взгляд. Единственный раз в его глазах не было презрения, когда я зажал ему голову в шкафчике. Руки чешутся повторить.

Интересно, делает администрация отметку в ученических документах о правонарушениях? Наверное, нет, раз эти документы так легко получить. И уж точно ничего нет, если ученика отчислили в конце выпускного года. Кроме того, я даже не знаю, были ли у него правонарушения. Судя по оценкам, Тайлер вполне благополучный троечник. Три года в Оппортьюнити, и все три без происшествий.

Вот только Гуманитарный курс 101 он провалил с треском.

Последняя запись в его документах недвусмысленна.

Восстановлен. С сегодняшнего дня.

Сильвия говорила об этом в выходные. Впервые за несколько месяцев она доверилась мне. Ее чуть ли не выворачивало, так она была напугана, но не сказала почему. И вот мне приходится рыться в школьных документах. Чтобы убедиться, что она в безопасности. Долг брата-близнеца.

Я никогда не признаюсь и даже не намекну, что для меня это важно.

Репутация брата-близнеца.

Я прислоняюсь к столу директора и читаю.

Дата рождения, адрес – скукота. Телефон для экстренной связи – отца, мать умерла. Дата приема в школу – ничего, чего бы я не знал. Класс: неприменимо. Пока неприменимо. Рейтинг: 2140 баллов.

Ха. Гений из шкафа.

Может быть, поэтому, несмотря на всю браваду, Тайлер никогда не выполнял своих угроз. Может быть, он и скотина, но самая умная: безвредная.

Отем

Спина у меня болит. Я развожу плечи, чтобы расслабить напряженные мышцы. Сильв что-то замешкалась. Она не торопится в класс. Сильв громко щелкает пальцами:

– С тобой все хорошо?

– Я... – Я медлю.

Прошлой ночью я проснулась в холодном поту, ожидая стука в дверь, как два года назад. Но в это утро мы завтракали, как обычно. Тая нигде не было. Впрочем, после тех выходных я была только рада. Числа. Отец и не подумал подняться. Прошлым вечером он снова пил. И даже не пытался этого скрыть. Когда мама была жива, он напивался, только когда ее не было и лишь в самые мрачные моменты. Он до сих пор умеет улыбаться и может рассмешить нас с Таем.

А сейчас он зол на весь мир, на все, что напоминает ему о маме.

На меня.

Не знаю, как выразить это словами. Со мной не все хорошо. Со мной давно не все хорошо. И дело не только в маминой смерти. Отец – иногда я его боюсь.

И Тай... Я боюсь, что и Тая потеряю тоже.

Но Сильв и Тай ненавидят друг друга. Как заставить ее понять?

Она кладет руку мне на плечо, потом вспоминает, где мы, и нервно заправляет длинные черные пряди за уши. Ярко-синий топ, подведенные блестящие глаза. В Оппортьюнити, где многие предпочитают прятаться, она – яркая звезда на темной сцене. Сильв смотрит на меня выжидающе:

– Я все понимаю, можешь не говорить. Годовщины всегда даются тяжело. Конечно, тебе грустно. Тебя никто не осудит, и уж точно не я.

Я киваю, но слов все равно нет. Голоса звучат вокруг нас. Ученики поднимаются по ступенькам между четырьмя блоками мест. Глаза Сильв устремляются в другой конец аудитории, где веселятся футболисты из нашей команды.

Я пожимаю плечами:

– Все в порядке. Со мной все в порядке.

Она никогда не поняла бы.

Я считаю минуты до седьмого урока, когда музыкальный класс за сценой станет темным и пустым. В тени я останусь одна.

Я буду в безопасности.

Сильв открывает рот, словно хочет что-то сказать, но тут рядом появляется девочка из ее класса, Аша.

Я размышляю. Сильв вечно ссорилась с моим братом, пока его не исключили. Я не могу – не хочу разбираться с ними всеми. Они лишь привязывают меня к этому месту, а забота всегда причиняет боль.

Аша впиалась в учебник истории. Разноцветные пряди падают ей на лицо. Губы кривятся в полуулыбке. Она что-то шепчет. Сильв напрягается, а потом хохочет, и голос ее разносится над толпой:

– Что бы вы все ни думали, я вовсе не мечтаю о зачетах.

Аша закатывает глаза:

– Тебе-то не о чем беспокоиться.

Сильв краснеет, но Аша права. Сильв – отличница, учителя ее обожают. Она не сможет провалить экзамен, даже если захочет.

Когда Аша поворачивается ко мне, наступает моя очередь. Я расплываюсь в фальшивой улыбке:

– Тест по истории не для меня. Мне было чем заняться на каникулах, помимо зубрежки.

– Мещанка, – вздыхает Сильв. – И почему я с тобой дружу?

Потому что я твоя.

Щелкают кнопки на сумке Аши.

Она отводит с лица фиолетовую прядь.

– Не учила? Счастливая! Они должны были назначить зачеты после каникул, чтобы держать старших в руках.

Слава богу, я не из старших. Прежде чем я успеваю что-то сказать, Сильв меня опережает:

– И что же ты делала?

– Ничего.

Гул голосов вокруг нас становится громче. Первые минуты после речей Трентон всегда такие. Все наталкиваются друг на друга, стараясь выбраться из зала, но сегодня царит настоящий хаос. Появляется учитель. Наверное, чтобы посмотреть, в чем причина задержки.

Аша усмехается.

– Все каникулы? Совершенно ничего? Да ты гонишь!

Взгляд Сильв смягчается. Она вопросительно смотрит на меня, а я прикусываю губу. Мне не хочется портить ей настроение.

– В выходные я нашла на чердаке старую запись – первое мамино «Лебединое озеро». Проба в Королевский балет. Тогда она была чуть старше меня.

Ничего сенсационного, так что Аша должна быть разочарована, но она придвигается ближе.

– Здорово, да?

Я удивленно улыбаюсь.

Аша не одна из нас. Она не из Оппортьюнити, где про нас с мамой все давно известно.

Старшая школа Оппортьюнити – окружная. Здесь учатся дети из всех небольших соседних городков. Аша не принадлежит к нашему миру, с его улицами, церквями и общими тайнами.

В Оппортьюнити все знают, что мама гастролировала по миру и выступала во всех великих театрах: Лондон, Москва, Нью-Йорк. Она видела больше стран, чем все мы вместе взятые. Она рассказывала мне о своих путешествиях, и я не могла успокоиться. И сколь бы мучительны ни были воспоминания о маме, это чувство никогда не возникало, когда я смотрела записи ее танца.

– Она была потрясающая.

Плечо Сильв касается моего. Ее теплая улыбка – мой якорь. Кажется, что вся школа Оппортьюнити исчезает. Мы потерялись где-то между созданием дома и бегством из него. Очень скоро тайны разделят нас, а потом она поймет, что я ее не заслуживаю, и тоже бросит меня.

Клер

После очередного круга морозный воздух становится освежающим, хотя я никогда не признаюсь в этом тренеру. Зима должна быть в декабре, до Рождества, а потом ей у нас не место. Нам нужно как можно больше часов, чтобы подготовиться к следующему выступлению, если мы хотим и дальше оставаться победителями.

Моя команда JROTC[3 - JROTC - федеральная программа подготовки младших офицеров запаса. Курс включен в программу старших классов многих американских школ.] тоже скоро начнет тренировки. Это лишь второй год подготовки, и они все еще ищут свой темп. Мне есть о чем подумать и без мороза.

Я кидая взгляд вбок и вижу, что Крис усмехается.

- Что?

- Ты замечталась.

- Вовсе нет.

Он фыркает.

- Как прошли каникулы? - Мы одновременно задали один и тот же вопрос, и я засмеялась.

- Так странно, что Трейси не было дома в день рождения Мэтта... Хотя, конечно, он теперь учится в старших классах и совсем взрослый. Что нам волноваться?

Младший брат старается не показывать, как тяжелы эти морозы для его суставов, как он скучает по нашей сестре, которая оказалась так далеко, в чужой стране, в пустыне.

- С тех пор как она уехала, мы несколько минут общались по видео.

– Как там к ней относятся?

Я осторожно подбираю слова:

– Во время ее патрулирования ничего особенного не происходит. Именно так, как я люблю.

Крис кивает. Его отец, подполковник Уэст, готовится к седьмой поездке. Мы оба знаем, каково это, постоянно думать о ком-то, кто находится на другом конце света, гадать, что происходит в песках, под палящими лучами солнца. Мы служим, чтобы семья могла нами гордиться, а мы могли оправдать ее ожидания.

Даже я. Но я могла бы. Если бы только я могла быть такой, как Трейси. Я всегда хотела быть такой, как она, должна была быть. Она смелая, стойкая, уверенная в себе. У нее есть все, чего нет у меня.

– У Мэтта хотя бы лихорадки не случилось, – говорю я после очередной половины круга.

Это главное событие наших зимних каникул. С момента поступления в школу Оппортьюнити Мэтту стало лучше. Волчанка все еще влияет на суставы, и чаще всего ему приходится ходить на костылях. Но он превратил их в световые мечи и говорит, что они нужны ему для дуэлей. Джедай против младших офицеров.

– Ему нравится, что здесь у него есть друзья. И начало нового семестра уже не так пугает.

«Всех нас», – мысленно добавляю я. Приятно знать, что Мэтт в школе не одинок.

– Ты спрашивала, собирается ли он вступить в JROTC в следующем году? – спрашивает Крис. – Чтобы поддержать традицию?

– Конечно.

Этот разговор – очень знакомый ритм, и я подстраиваюсь под него.

– Хорошо. У него есть еще три года. Оппортьюнити не будет прежней, если в команде младших офицеров не будет кого-то из вас.

Я выдавливаю из себя улыбку, хотя больше всего она походит на гримасу.

В следующем году. Когда я уйду. Когда Крис будет далеко. Когда все будет по-другому, даже если Мэтт вступит в команду младших офицеров Оппортьюнити.

– Ты собираешься в Вест-Пойнт? – спрашиваю я, когда мы сворачиваем на длинную сторону трека.

Крис пожимает плечами. Он всегда был желанным кадетом для любой военной академии. Когда он получил подтверждение и номинацию Конгресса, мы устроили настоящий праздник. Он получил все, о чем мечтал.

Но сегодня он тоже задумчив. В первый день последнего семестра весь старший класс считает дни до выпуска. Остались всего одни каникулы. Еще одно лето до взрослой жизни. До нашего расставания Тайлер говорил, что лучшее в старшей школе – это возможность вырваться из нее очень скоро. И все же мне не хочется, чтобы все это заканчивалось. Прощаться с командой, кадетами, друг с другом будет тяжело. Моя жизнь будет серой, если я не буду видеть Криса целый день, каждый день.

И мы бежим. Не просто кругами по треку. Мы бежим к тому, что ждет нас. Мы бежим вместе, пока еще можем.

Сильв

Отем мешкает. Ее серо-голубые глаза туманятся, но те редкие моменты, когда она говорит о матери, подобны рассвету. Раскрываясь, она превращается в солнце. Я не хочу видеть, как она страдает, но это лучше, чем наткнуться на непробиваемую стену, которой она себя окружила.

Моя рука скользит по боку, отчаянно желая встретиться с рукой Отем. Но я не двигаюсь, чтобы не напугать ее.

– Она танцевала «Умирающего лебедя»... Какая странная ирония... она была молодой, беззаботной и такой... такой хрупкой. Я не помню ее такой. Она всегда казалась мне сильной.

Всего через несколько лет после этой пробы Джони Браун стала ведущей балериной Королевского балета. Она была непобедима – и Отем была такой, когда они с матерью были вместе.

Вокруг все ворчат и удивляются, почему внизу такая толкотня. Но мне хочется продлить этот момент между уроками еще хоть на немного.

– А ты уже знаешь, что будешь танцевать? – спрашиваю я.

Аша оживает:

– О, ты тоже танцуешь! Ты уже проходила пробы?

Отем жестко смотрит на меня. Теперь она редко говорит о танцах.

«Не волнуйся», – беззвучно произношу я. Аша поймет. Она – хороший человек.

Отем репетировала в музыкальном классе месяцами – и это я рассылала ее заявления. Отец возненавидел бы ее за это, но я была бы плохой подругой, если бы не понимала, как много это значит для нее. Это ее шанс вырваться отсюда, а она заслуживает счастья. Отем могла бы пройти пробы в школах поближе к дому или дождаться старшего класса, но она мечтает о Нью-Йорке.

Мы обе мечтаем.

Я засовываю руку в карман, и пальцы мои обхватывают письмо о приеме, которое я ношу с собой уже почти две недели.

– Я подала заявление в Джульярд, – спокойно отвечает Отем. – Но еще не выбрала программу для пробы.

– Мой учитель считает, что для настоящей музыки важны чувства, – доверительно говорит Аша.

Аша рассказывала мне, что хочет попутешествовать по миру, прежде чем сосредоточиться на музыке. Уверена, они с Отем могли бы стать подругами, если бы узнали друг друга чуть лучше. Если бы Отем знала других чуть лучше, может быть, она не была бы такой одинокой.

– Он говорит, что музыка должна быть трагедией и счастьем, грозowymi тучами и звездами. Думаю, это и к танцам относится.

Отем чуть оттаивает и медленно улыбается.

– Я думала показать оригинальную композицию, а не традиционную хореографию. Когда-то – когда я еще брала уроки – мы с мамой говорили об этом.

Мне она этого никогда не рассказывала. Кажется, эти двое оказались в собственной вселенной, где все вокруг блистает возможностью творчества. А мне остается блеклая школа Оппортьюнити – и больше ничего.

Я чуть продвигаюсь вперед по проходу.

– Так и поступи. Покажешь им, кто ты, и они не смогут сказать «нет».

Отем чуть поворачивается ко мне и улыбается. В груди моей начинают порхать бабочки.

– Дразнишь? – Она становится серьезной. – Еще не получила ответа?

Новичок толкает меня в бок, и я выпускаю письмо.

– Еще нет.

А что еще я могу ей сказать? Что у меня есть билет из этого города, о чем она так страстно мечтает? Что я даже не знаю, что с этим делать? До болезни Мама? я бы ухватилась за этот шанс обеими руками. Но как я могу уехать теперь?

Отем никогда не поймет.

Она сочувственно подмигивает. Аша морщится.

В ряду перед нами хихикают девчонки-новички. Рядом парнишка судорожно листает учебник, а кто-то из его приятелей закатывает глаза. Все вокруг нас болтают о каникулах, уроках, зачетах. Если кто-то хочет понять Оппортьюнити – понять по-настоящему, – ему нужно попасть сюда в момент между выступлением директора Трентон и уроком. Неделя началась, и исхода нам нет, но мы начинаем ее вместе. И вскоре – надеюсь – сможем подышать свежим воздухом.

Вот только мы все двигаемся, но никто не выходит.

Кому: Сестра

Я знаю, что ты на тренировке, но не слишком волнуйся, ладно? ? Мне нравится ходить в настоящую школу.

И я гораздо крепче, чем кажется.

Кому: Сестра

PS: Речь была точно такой же. Ты могла бы произнести

ее, и никто не заметил бы разницы.

Глава третья

10:04-10:05

Отем

Слова Аши тронули мне душу. Сильв не понимает, что танцы – это больше чем мечта, больше чем карьера, – это мое сердце. Аша это понимает.

Хотелось бы мне узнать о ней больше, о ее музыке. Прежде чем я успеваю спросить, мы оказываемся в проходе. Меня окружают другие ученики. С каждым шагом давка все сильнее. В меня вдавливаются рюкзаки, меня толкают плечом. Я не понимаю, почему никто не выходит из аудитории. Здесь слишком много народу.

Пальцы мои сжимаются вокруг шармов на браслете – серебряная балетная туфелька и венецианская маска ручной работы, которую мама когда-то привезла из Италии. Зеленая эмаль на маске поблекла, и кромки поцарапались, но знакомые формы успокаивают и помогают вернуть равновесие.

Все преходяще.

Аша пожимает плечами и улыбается.

– Удачи на пробах, – говорит она и ввинчивается в толпу.

И уходит.

В конце концов, все уходят.

Я делаю шаг назад и жду, когда толпа пройдет мимо.

Здесь у меня нет друзей, кроме Сильв, нет семьи, кроме брата, который исчез, и отца, который меня презирает. Только танцы помогают мне жить. Они освободят меня. И я не позволю никому встать у меня на пути.

Клер

Перед нами трек. После очередного круга настроение у Криса улучшается. Он всегда это умел – сбрасывать свои тревоги, как зимнее пальто.

– Пора бежать. Повеселимся, Сардж?

– Командир! – хмыкаю я.

Он подмигивает и делает стремительный рывок, словно только что не пробежал целую милю. А мне остается лишь смотреть ему в спину. Ну, конечно, он же стайер[4 - Спортсмен-легкоатлет, бегун на длинные дистанции.], так что еще и половины своей нормы не пробежал. Но он лишь подчеркнул, как до смешного медленно сегодня бегаю я.

Все изменится прямо сейчас.

Пробегая мимо тренера, я легонько киваю ему, и он нажимает кнопку на секундомере. Я прибавляю темп.

Эту стратегию мы выработали в прошлом сезоне – тренировки строили так, чтобы я могла поддерживать стабильный темп на бо?льшем этапе гонки и сохранять силы для финального спринта.

Все вокруг меня исчезает. Исчезают мысли о Мэтте и Трейси. Жгучая боль в икрах. Мучительное беспокойство из-за необходимости проводить тренировки молодых офицеров.

Исчезает все, кроме каденции моих ступней и холодного ветра на щеках.

Когда бегу, я наконец-то обретаю способность дышать.

Я пересекаю финишную черту и оглядываюсь, чтобы увидеть ухмылку тренера.

Трибуны вокруг трека тонут в белой дымке. На ступеньках у финишной черты кто-то нацарапал на дереве: «Мы творим историю».

Губы расплываются в улыбке. Эти три слова – вклад тренера Линдта в девиз нашей школы. Его воскресное мотивационное выступление. И это работает, потому что мы уже сотворили историю и будем выступать в чемпионате штата седьмой год подряд.

Это моя команда. Я принадлежу ей.

Здесь и сейчас мы едины.

Томас

Документы ничего не прояснили. Я сую папку обратно и захлопываю ящик. Все бесполезно.

Смешно. Просто глупо. Тайлера восстановили, и сестра моя в ужасе, но я не знаю почему. И я абсолютно ничего не могу сделать, чтобы ей стало легче.

– Может, пропустим и остальные уроки? – Фарид стоит, прислонившись к двери. Нога его направлена к креслу для посетителей. Уголком своей папки он стряхивает пушинку с лица. – Ненавижу понедельники.

Я из брата-защитника снова превращаюсь в самого печально известного ученика старшей школы Оппортьюнити. Эта роль налезает как разношенная перчатка.

– Мы все такие, приятель. Понедельники хуже всего. Но как же мой имидж крутого парня? Если я не буду страдать вместе с вами, это погубит мою репутацию.

– Да брось, признай честно. Ты просто боишься, что Трентон нажалуется твоему деду. Да что он может сделать? Отшлепать тебя за прогулы? Ты же знаешь, старику нет дела.

Я потягиваюсь:

– Полагаю, да.

На самом деле я боюсь. Когда появился Фарид, я был любимым плохим парнем Оппортьюнити. Никто этого не говорил, но я полагал, что все просто ослеплены моим блеском.

В этом году сомнительную честь мы разделили с Фаридом, и только он знает, как я топчусь на границе. День без наказания – день без солнечного света. Или без радуги. Или без котят и всего такого. Но я делаю уроки. Я получаю потрясающе хорошие оценки. Мы с директором Трентон пришли к соглашению: я не нарушаю правил чрезмерно и не пропускаю уроки. Меня не ловят на проделках – например, на проникновении в школьный архив – даже ради моей сестры, хотя она стоит любого риска. Я веду себя прилично, и Трентон не звонит деду.

Нет, я не боюсь его гнева или разочарования. Я уже на целую голову выше его, и он меня больше не пугает.

Я боюсь, что он скажет Мама?. А я не хочу, чтобы она помнила меня таким.

Сильв

Я сжимаю ладонь Отем, возвращаясь на место и пытаюсь рассмотреть, что происходит у двери. Отем ненавидит, когда мы касаемся друг друга на людях, но в последние месяцы только она удерживает меня на плаву. Она так мечтает покинуть Оппортьюнити! А когда она уедет, сердце мое разорвется.

Хотелось бы мне тоже уехать. Хотелось бы мне остаться.

Ученики вокруг меня не движутся. Шум постепенно стихает. Что-то не так. Что происходит? Нас заперли! Двери заперты. Одна из девушек-чирлидеров ворчит, что сейчас не время для шуток. Чуть в стороне от нее нервно смеется девочка-новичок. В конце каждого прохода ученики толпятся у двойных дверей, всегда распахнутых, а сейчас закрытых. Мы заперты.

Звонит звонок.

Двери слева от меня открываются. В люминесцентном свете коридора видна одинокая фигура. На мгновение кажется, что это мой брат-близнец. И все это – очередной способ доказать, что он самый не интересующийся и самый интересный ученик Оппортьюнити. Он устроил очередной розыгрыш – запер нас всех. Когда-то я тоже заперла его. Один раз.

Но из-под черной вязаной шапочки выбиваются светлые пряди. Странно, что я замечаю первыми именно их – непокорные светлые волосы, обрамляющие слишком знакомое лицо. И с ним приходят воспоминания. Злобная усмешка. Волчий взгляд. Нервный шепот вокруг – возможно, порождение моей фантазии. Не сейчас. Не сегодня. Нет, пожалуйста.

Мне хватает секунды, чтобы узнать его поднятую руку.

Наверху все замирают. Взгляды устремляются к тени в дверном проеме. Я слышу слово «оружие». Оно прокатывается вокруг меня, и все замирают в молчании. Я не ощущаю ни паники, ни шока. Только чувство поражения.

Вот и все.

– Директор Трентон, у меня есть вопрос.

Фигура наставляет оружие на нее, палец лежит на курке.

Выстрел.

Приключения Мей

Текущее местоположение: Дом

>>Школа Оппортьюнити всегда одинакова. Чуть меньше, чем в Цзинани и у бабушки с дедом. Чуть более серая – ведь я оказалась на другом конце света. Но куда бы я ни поехала, так хорошо вернуться домой.

А теперь перехожу к почте, шоколадкам и началу дня.

Комментарии: <0>

Глава четвертая

10:05–10:07

Томас

Вернув папки в шкаф, я беру стеклянное пресс-папье и поигрываю с ним. Подбрасываю в воздух и ловлю. Шагаю к двери, приоткрываю ее и выглядываю в административный офис.

Звонит звонок. Коридоры должны заполниться учениками. Речь Трентон уже кончилась. Никто не захочет оставаться в аудитории дольше, чем следует.

Но коридоры пусты, словно мы – единственные во всем здании.

Тишина меня пугает.

– Фар?

Он отрывает взгляд от своих оценок – вряд ли они стали лучше.

- Что?

Я открываю рот и тут же закрываю. Что сказать? Слишком тихо?

- Брось папку. Нужно уходить, пока Трентон не вернулась.

Черт, как-то слабо.

Я проскальзываю в административный офис. Монитор секретарши все еще светится голубым. Рядом с клавиатурой стоит фотография кота в рамке. Я высоко подбрасываю пресс-папье и ловлю его. Бесцельное повторение успокаивает.

- Фар, брось...

Где все?

Бросаю. Ловлю.

Бросаю.

Раздаются два резких звука. Пресс-папье выскальзывает на пол и рассыпается на тысячу осколков.

- Что это? - В дверях появляется Фар. В руках у него все та же папка.

Я не... Я не могу...

- Что за хрень? - громче повторяет Фар.

Он знает - мы оба знаем. Мы часто охотились с дедом и сестрой. Мы видели много фильмов. Фар вырос в зоне военных действий. Мы оба знаем звук выстрелов.

Этого не может быть.

- Нужно бежать, - говорит Фар. - Нужно кому-то сказать.

В глазах его застыл испуг, но голос остался твердым. И он становится как-то старше.

Я киваю, прежде чем царящая вокруг тишина не придавливает меня как кувалдой. Коридоры и вся школа пусты по одной лишь причине... Захват заложников.

- Нет! - трясую головой я.

Нет. Нет. Нет. Черт, нет!

Все еще в аудитории. Все - и моя сестра тоже. Я должен добраться до нее.

Я не могу снова ее подвести.

Сильв

Тайлер вернулся. Тайлер вернулся.

Тайлер вернулся.

Эти слова раздаются у меня в голове, как выстрелы. Тайлер вернулся. Меня начинает мутить, мне хочется спрятаться под сиденьем. Я замираю от ужаса, как полгода назад.

Я не знаю, что делать. Не знаю, куда бежать. Мы с Отем в одном проходе, всего в нескольких рядах от Тайлера. Слишком высоко, чтобы броситься за кулисы. Слишком низко, чтобы рвануть к дверям.

Вокруг нас начинается паника. Крики звенят в ушах. Учителя, стоявшие возле двери, пытаются добраться до Тайлера, но он методично их отстреливает, как и всех, кто оказывается слишком близко. При каждом выстреле я вздрагиваю. Мы

не так близко, чтобы видеть лица учителей, и я почти благодарна судьбе за это. Он застрелил их. Боже. Этого не может быть.

Ученики кидаются к другим дверям, рвутся вперед, но никто не выходит.

Тайлер вернулся.

Кто-то бежит вниз по рядам. Зовет на помощь.

Два ученика, парень и девушка из соседнего городка, распластались на сиденьях перед Тайлером.

На плече парня все еще висит сумка. Его кровь смешалась с кровью девушки.

Я не могу двинуться с места.

Не могу дышать.

На сцене вокруг директора Трентон столпились люди – учителя, секретарша. Всеобщий любимец, учитель английского мистер Джеймсон, подползает к директору и пытается остановить кровь, но пуля попала ей в голову, и это не кровь, а мозг.

За ними несколько девушек и парней из школьного хора кидаются за кулисы, где находятся гримерные и система управления светом. Пожилая библиотечарша, миссис Смит, пробирается к боковой двери аудитории. Она просто медленно идет – в прошлом году ей заменили тазобедренный сустав. Она отвернулась от Тайлера, и кажется, что ей не страшно.

Ей семьдесят три.

Ее младшая дочь снова беременна, а старшему внуку сегодня исполняется одиннадцать.

Она живет на нашей улице с незапамятных времен.

Вчера она принесла Мама? свежее испеченный хлеб, как всегда по воскресеньям. Когда все думали, что я заболела, она варила мне куриный бульон.

Нет. Нет. Нет. Нет.

Dios te salve, Maria, llena eres de gracia: el Señor es contigo. Bendita t? eres entre todas las mujeres y bendito[5 - Богородица Дева, радуйся, Благодатная Мария, Господь с тобою; Благословенна Ты в женах...]... Мой взгляд возвращается к Тайлеру. Волосы у него в точности как у Отем, и от этого меня мутит.

Помни меня.

Я никогда бы не смогла его забыть.

Тайлер осматривает толпу. Он стоит в дверях, и все отшатываются от него. Винтовку он держит уверенно. Тайлер слишком уверен в себе, слишком аккуратен. Даже Абуэло не мог бы его ничему научить. Он наводит винтовку на библиотекаря. Выстрел.

Она падает в нескольких шагах от двери.

Свободной рукой Тайлер заправляет прядь волос под шапочку.

Отем встает передо мной, словно пытаюсь защитить, но это я должна защищать ее.

Dios te salve, Maria... Слова кажутся чужими, застревают на языке. Я не могу вспомнить, что говорить дальше. Я вся дрожу.

Рядом со мной девушка-новичок ползет по полу. Один из парней поднимает ее за руки, но бежать некуда. Она кричит и молотит кулаками по его груди. Он обхватывает и крепко сжимает ее.

Отем поворачивается ко мне, но, хотя губы ее шевелятся, я ничего не слышу.

Я вижу только застывшую удивленную улыбку директора Трентон и ужас тех, кто кинулся ей на помощь. Я слышу стоны, рыдания и крики. Кругом смерть,

смерть и кровь.

Тайлер вернулся.

Клер

Второй выстрел прозвучал в 10:05. Тренер комично уставился на стартовый пистолет, словно тот выстрелил сам по себе. Но звук исходил не отсюда. Выстрел прогремел в школе.

Еще один выстрел. Еще и еще. Сердце мое бьется в этом жутком ритме.

Крис ближе меня к школе. Он мгновенно преодолевает десяток ярдов, отделяющих его от входа в спортивный зал. Никто из нас даже не успевает отреагировать. Крис хватается за ручку, но дверь не поддается. Он пинает дверь, и я не понимаю, гнев это, боль или отчаяние.

Холодный воздух проникает под кожу и морозит меня до костей. Я думаю только об одном: если Крис повредит мышцы, то погубит свой последний сезон еще до начала. Наш сезон, нашу команду. Нас пятерых. Все остальное – все, что связано с только что услышанным, – слишком невыносимо.

На секунду-другую все замирают. Только пар нашего дыхания клубится в воздухе. А потом Эстер начинает плакать. Добежав до финишной черты, Эйвери обнимает ее. Мы ждем, чтобы кто-нибудь дал команду. Мы поворачиваемся к тренеру – ключи от спортивного зала у него. Но двери не поддаются – они заблокированы или заперты изнутри. Тренер бледнеет и молчит.

Мы переключаемся на Криса. Но он смотрит на меня с мольбой.

Я замираю. Я умею лишь подчиняться приказам – подчиняться другим. У нас всегда командовала Трейси – и здесь, и дома. Мне не нравится командовать. Но она все равно меня учила. Давай, Клер, ты можешь! Даже Тайлер однажды сказал, что я способна на большее.

Если что-то случилось в школе, я нужна Мэтту.

Я делаю глубокий вдох, чтобы избавиться от едкого привкуса желчи во рту. Расправляю плечи, бросаюсь к другим, ощупываю на бегу карманы, пытаюсь найти телефон. Но он остался в раздевалке.

- Нужно позвонить 911. У кого-нибудь есть телефон?

Все молчат.

- Тренер?

У тренера должен быть мобильник на экстренный случай, но он все еще живет в прошлом веке – и никто не возражает. Это же Оппортьюнити. Здесь никогда ничего не случается.

- Где ближайший телефон экстренной связи? – спрашиваю я.

- У главного входа в школу, – бормочет тренер.

Наша школа переехала в новое здание пять лет назад – старое здание торнадо унесло в страну Оз. Новое здание – произведение искусства: просторные спортивные площадки, новейшее оборудование, красота. Я любила эту школу. Она была для меня домом. До сегодняшнего дня.

- Телефон-автомат есть на заправке, – вспоминаю я. – И мы можем найти Джонаха.

Все недоуменно смотрят на меня.

- Охранника.

Никто не удосужился запомнить его имя, и никто не катался с ним в патрульной машине.

– Он должен быть на парковке. У него есть рация, и он сможет помочь. Разобьемся на группы. Тренер, берите Джесс и ищите телефон экстренной связи. Берегите себя. Держитесь подальше от школы.

Тренер медленно кивает. Обычно мы подчиняемся ему или Крису, нашему капитану. Но мысли тренера никогда не выходили за пределы тренировочной площадки. Он подчиняется мне, хотя голос мой дрожит.

– Эстер, Эйвери, – поворачиваюсь я к девушкам. Обычно они болтают без умолку, но не сегодня. – Проверьте, не открыты ли пожарные выходы, но держитесь подальше от окон. Если удастся, найдите телефон. Если нет, угоните машину. Мне все равно, что вы сделаете, но нужно всех предупредить и позвать на помощь.

– Мы вдвоем, – указываю на Крису и себя, – пойдем искать Джонаха. Если его нет на парковке, побежим на заправку за помощью.

Делаю глубокий вдох и продолжаю:

– Мы не знаем, что происходит внутри, но если звучат выстрелы, значит, нужно действовать соответственно. Нам нужна помощь полиции – и как можно быстрее.

Крис кивает:

– Хороший план.

Его слова приводят всех в движение, но я слышу в них безмолвное обещание. Мы вместе. Всегда. Он пойдет за мной, как и я пойду за ним. Вот почему мы должны держаться рядом.

Эйвери и Эстер подхватывают свои бутылки с водой и бегут. За ними следует тренер.

Крис кидает мне бутылку, и я делаю несколько глотков, а потом выбрасываю ее.

В морозном воздухе звучат новые выстрелы. Мы бежим.

Отем

Сильв кричит. Я чувствую, какие холодные у нее руки, когда притягиваю ее к себе. Взгляд ее скользит вправо. На другой стороне прохода Аша роняет учебники. Сильв обхватывает себя руками и вжимает голову в плечи. Несмотря на яркую одежду, она становится незаметной. При следующем выстреле она отскакивает.

Ученики пытаются убежать от Тайлера. Они карабкаются по сиденьям, чтобы оказаться подальше от него, и там скапливается огромная толпа.

Двери в коридор заперты. Двери за сценой ведут только в гримерные и на склад бутафории.

Выхода нет.

Оказавшиеся у сцены бедняги пытаются спрятаться между сиденьями или дрожат в проходах. Учителя и несколько учеников оттаскивают раненых за стулья, чтобы хоть как-то их защитить. Участники хора, скрывшиеся за кулисами, не появляются, но немногие рискуют выбежать на открытое пространство и пересечь сцену.

Все это время Тайлер стоит в дверях с винтовкой в руках под защитой стен. Он не двигается. Ему и не надо – он хозяин положения. Он отклоняется назад. Он ждет, когда ужас охватит нас, и стреляет в каждого, кто подходит слишком близко.

Стрелок.

Слова кажутся едкими и чужими. Мой брат.

Я прикусываю щеку и сосредоточиваюсь на боли.

Тай собирался окончить выпускной класс. Сегодня его должны были восстановить. Он должен был все сделать правильно.

Брат, лечивший мои синяки, когда папа не мог справиться с горем. Брат, тайно помогавший мне заниматься танцами. Пальцы обхватывают балетную туфельку на браслете. Даже после того, что он сделал, Тай все равно остается моим братом.

Однажды он принял удар отцовского ремня на себя, чтобы он не достался мне. А потом Тайлер шутил и ерошил мои волосы. Он – все, что у меня есть.

Это не может быть он.

И именно сегодня!

Я должна подняться. Я должна поговорить с ним.

Но он держит винтовку, и глаза его опасно сверкают.

Сильв прижимается ко мне. Между сиденьями я вижу тело нашей одноклассницы. Лицо ее закрыто чьим-то портфелем, на полу растекается лужа крови.

– Нам нужно идти, – говорю я.

Ни Аша, ни Сильв не реагируют. Через секунду, показавшуюся мне вечностью, Аша кивает. Она наклоняется, чтобы подобрать учебники, потом останавливается и смотрит на них пустым взглядом. Нет смысла подбирать их. Они не смогут ее защитить. Сдавленный крик доносится из нижних рядов аудитории.

Я осторожно поднимаюсь на ноги и тяну Сильв за рукав. Она словно бы не чувствует этого. Пока суэта отвлекает Тайлера, нужно этим воспользоваться.

– Пошли. Нам нужно выбраться отсюда.

Я смотрю вниз, на брата.

В проходе рядом с нами я вижу маленькую девушку с брекетами на зубах. Она всегда ходит в огромных очках.

Джеральдина. Новичок. Я знаю ее, потому что она занимается пением в музыкальном классе. Руки ее сжаты в кулаки. Она раскачивается назад и вперед, словно набираясь решимости, а потом кидается в проход, к двери.

Она совершает прыжок, и я буквально вижу, как делаю гран жете сама подобно Джеральдине. Она движется очень грациозно.

Пуля настигает ее в воздухе.

Она спотыкается и падает. Другая девушка кидается вперед, возможно, чтобы помочь ей. Но Тайлер стреляет, и девушка падает. На сей раз пуля попадает в часы над сценой.

Тайлер улыбается.

– Оставайтесь все на своих местах.

В зале воцаряется тишина.

Теперь мы все заложники.

Си Джей Джонсон

@CadetCJ

СТРЕЛЬБА. ПОМОГИТЕ. #OHS

10:06 AM

Алекс @AlexDoesTwitter 10:06 AM

В ответ @CadetCJj

Правда? В новостях ничего нет... #OHS

Джордж Джонсон @G_Johnson1 10:06 AM

В ответ @CadetCJj

С ТОБОЙ ВСЕ НОРМАЛЬНО? СКАЖИ, ЧТО ВСЕ ХОРОШО!

Джордж Джонсон @G_Johnson1 10:07 AM

В ответ @CadetCJj

ТЫ СЕРЬЕЗНО? ЗВОНЮ 911.

Эбби @YetAnotherASmith 10:07 AM

В ответ @CadetCJj @G_Johnson1

Еду туда немедленно. #OHS

Аноним @BoredOpportunist 10:07 AM

В ответ @CadetCJj

Я понимаю, что понедельник - это СКУЧНО, но ты с ума сошла. #OHS

Джордж Джонсон @G_Johnson1 10:07 AM

В ответ @YetAnotherASmith @CadetCJJ

НЕ УВЕРЕН, ЧТО ЭТО РАЗУМНО. ПУСТЬ ЭТИМ ЗАНИМАЮТСЯ ПРОФЕССИОНАЛЫ.

Джей @JЕуск32 10:07 AM

В ответ @CadetCJJ

Что происходит? #OHS

Глава пятая

10:07-10:10

Томас

Солнце пробивается сквозь оконное стекло. Осколки пресс-папье отбрасывают радужные блики на стены. Фарид подходит к столу секретарши. Сейчас он бледнее, чем я, и мне даже не хочется шутить.

Он запирает дверь административного офиса, отрезая нас от коридоров, а потом берет телефон и набирает 911. Я брожу вдоль стола. Я просто не могу стоять на месте. Если бы решал я, то кинулся бы прямо в зал, чтобы убедиться, что это шутка, а мы не сумели принять участие. Я хочу убедить себя, что сегодня

обычное утро понедельника.

Останавливает меня только здравый смысл Фариды. Я никогда не был супермозгом в нашем партнерстве. С меня только дурацкие идеи и импульсивность.

Я поворачиваюсь на пятках и бью кулаком в стенку шкафа. Тонкая фанера расщепляется, косточки пальцев саднит, но боль не приносит облегчения.

– Что сделал тебе этот шкаф? – спрашивает Фарид.

В трубке что-то щелкает. Раздается приглушенный голос.

Я замираю.

– Я звоню из старшей школы Оппортьюнити, – говорит Фарид, назвав вначале наши имена. – Мы слышали выстрелы.

Он говорит очень спокойно. Фарид с плутовской улыбкой, так хорошо мне знакомой, исчез. Таким Фариды я никогда не видел. Он произносит слова очень старательно, чтобы не чувствовался его афганский акцент. Он сразу же станет главным подозреваемым. И не в первый раз. В школе многое случалось, и Фариды всегда допрашивали, хотя дело могло совсем его не касаться. Это отвратительно. Это так несправедливо – но зато у меня появилась передышка.

Голос бубнит что-то неразборчивое, и Фарид отвечает:

– Мы слышали несколько выстрелов. Я не знаю, пострадал ли кто-нибудь. – Он слушает, а потом говорит: – Нет, нет. Мы не пострадали.

Я подхожу чуть ближе, но уже знаю следующий вопрос оператора. Где вы? Сколько вас?

– Нас двое. Мы в кабинете директора. Остальные ученики и учителя в аудитории – там собрание. Выстрелы слышны оттуда. Мы ничего не видели. Нет, ничего. Мы слышали шаги незадолго до выстрелов, но ничего больше.

Вы можете выбраться? Я бы спросил именно это, но оператору нужна новая информация. Слышать это почти приятно. Тихий голос из телефонной трубки и отдельные выстрелы в отдалении – единственные звуки, нарушающие тишину. Здесь мы в безопасности.

– Да, да, кабинет директора находится в административном крыле. В восточной части здания. Первый этаж. Машина директора стоит под окном. Легко заметить.

Я улыбаюсь, но без радости. Обычно директор парковалась возле аудитории вместе с другими учителями, но мой старший брат как-то раскрасил машину Трентон в розовый цвет – у них случились, так сказать, академические разногласия. Поэтому директор решила присматривать за своим новым кабриолетом.

– Мы заперли дверь. Мы никого не видели и не слышали. Мы не знаем, что происходит в других частях здания.

Выстрелы. Угрозы. Смерть.

– Мы можем выбраться через окно, если нужно.

Нам было не привыкать, но никогда еще ничего подобного не случилось.

Я пытаюсь расслышать ответ оператора. Мне не хочется покидать кабинет – ведь я не знаю, что ждет меня снаружи.

– Да, думаю, это безопасно. Если мы двинемся на юг, из аудитории нас не увидят.

Слушая инструкции, Фарид смотрит на меня. Он качает головой, и я представляю, что ему говорят. Бегите, если можете. Спрячьтесь, если получится. Не становитесь мишенью. Это первое, чему учат нас во время учебной тревоги: обеспечьте собственную безопасность.

Но нам не говорят, что спасти свою шкуру можно лишь тогда, когда за тобой никого нет. Если бы я сейчас находился в аудитории, то хотел бы, чтобы кто-

нибудь пришел за мной. Я хотел бы иметь надежду.

- Да, мы откроем окно и будем ждать снаружи. Мне нужно оставаться на линии?

Рука Фариды дрожит. Он кивает и произносит:

- Хорошо, хорошо. Мы будем ждать снаружи. Спасибо.

Сильв

Все звуки стихают.

Перед глазами все расплывается, словно порвалась связь между мной и остальным миром. Воздух замирает. Больно дышать.

Отем шепчет мне что-то и тянет за руку. Я хочу прижаться к ней. Держи меня. Защити меня. Я замираю. Но голос Тайлера дразнит меня. Я не могу - не хочу слушать его. Не здесь. Не сейчас. Никогда.

Все страхи наваливаются на меня. Пустые глаза Мама?. Абуэло, которому так тяжело управляться с фермой и одновременно заботиться о ней. Старшие братья, задающие вопросы, на которые я не могу ответить: Где будешь в следующем году? Чем хочешь заниматься? Как дела?

Закрывая глаза, я вижу лица двух самых важных для меня людей - людей, которых я и притягиваю, и отталкиваю. Мой брат-перфекционист, сумевший устроить так, чтобы на первой же перемене нового семестра его отправили в кабинет директора. И сейчас его здесь нет.

Я надеюсь. Я молюсь.

И Отем. Всегда, всегда Отем.

Тайлер вбил клин между нами, хотя я никогда им не рассказывала. Томас разорвал бы его из-за меня, и это уничтожило бы ту крохотную семью, что еще осталась у Отем.

Единственное, что поддерживало меня в жизни, – это наши истории. У всех нас столько тайн. И я свято храню собственные. Еще до начала учебы Отем привела меня в заброшенный сарай. От фермы, когда-то стоявшей здесь, за городом, остался только этот сарай, окруженный кукурузными и хлопковыми полями. Мы встречались там каждый вечер. Мы делились сплетнями – соседи всегда знали обо всем, что происходило в Оппортьюнити.

Прошлым летом сарай превратился в студию Отем. Окутанные золотым покрывалом густого августовского воздуха, эти дни принадлежали только нам. В эти дни Отем могла быть собой, а я поняла, что такое танцы и балет.

Однажды вечером все изменилось навсегда.

Метелки кукурузы пылали в лучах закатного солнца. Высокие стебли скрывали меня ото всех. Я писала заявление в колледж, наблюдая, как белый пух раннего хлопка летит по ветру. А Отем танцевала. Я не знала, чем хочу заниматься – знала лишь, что хочу поступить в колледж. Мама? с каждым днем чувствовала себя все хуже, но ради Отем я заполняла формы. Мы всегда хотели уехать вместе.

– Думаешь, вам удастся каждый вечер сбегать незамеченными? Мне казалось, я ясно выразился.

Звук голоса меня напугал, а когда я увидела, кому он принадлежит, кровь в жилах застыла.

Я не видела Тайлера со времени выпускного в средней школе, когда он прижал меня к стене и сказал, что я развращаю Отем. Он яростно защищал сестру – от всех. Он никому не доверял. И это делало его непредсказуемым и опасным, человеком, от которого лучше держаться подальше.

– Уходи, Тайлер.

- Ты слишком много на себя берешь. Не тебе прогонять меня.

- Пошел прочь. - Я собрала учебники, лежавшие под деревом, и сунула их в рюкзак. - Или входи, если хочешь посмотреть, как танцует Отем.

Уголки рта Тайлера скривились в улыбке.

Тайлер - отражение собственной сестры, зеркальное отражение. У них одинаковые соломенные волосы - он заправляет их за уши, у нее они чуть длиннее. В замшевой куртке и лаковых ботинках Тайлер казался старше своих семнадцати лет. Он был очень красив, классической красотой.

От его волчьего взгляда я ежилась.

Я не стала ждать ответа, а просто повесила рюкзак на плечо.

- Передай Отем, что увидимся завтра.

Я зашагала к краю хлопкового поля, и Тайлер пошел за мной. Он насвистывал какой-то веселый мотивчик, наступая на мою тень. Его дыхание щекотало мне шею.

- Раньше для меня были важны ее танцы. До того как ты украла ее у меня.

- Я никого ни у кого не крада, - огрызнулась я.

Тайлер впился ногтями мне в руку.

- Не лги мне! Ты развратила мою сестру!

Он снова схватил меня за плечи. Большие пальцы больно давили шею.

- Не понимаю, о чем ты говоришь!

Извернувшись, я попыталась освободиться, но он лишь сильнее сжал пальцы. Я стала бороться и царапаться, надеясь, что Отем, услышав его голос, выйдет к

нам. Может быть, она не станет танцевать весь вечер. Может быть, она не забудет о времени.

Она всегда забывала.

Бросив рюкзак, я попыталась наступить ему на ногу. Тайлер отступил, я споткнулась и полетела прямо на вспаханную землю. Он подбил мою ногу, когда я хотела подняться.

– Происходящее между тобой и Отем – это болезнь. Это неестественно. Думаешь, что можно войти в нашу жизнь и украсть мою семью? Кто-то должен наставить тебя на путь истинный.

– Твою семью? – выкрикнула я. Отчаяние придало силы голосу. – Когда ты в последний раз интересовался Отем? Ты не знаешь самого главного в семье.

Я попыталась перекатиться и отползти прочь, но его ботинок врезался мне в живот, заставив согнуться пополам. Тайлер наклонился, и я почувствовала его кислое дыхание.

– Они бросили меня. Все меня бросили.

От его усмешки у меня свело горло. Палец его скользил по моему подбородку. Я не могла пошевелиться.

– Когда твой брат снова попытается перейти мне дорогу, я его убью. Запомни. – Тайлер склонился надо мной, и я видела его силуэт на фоне пурпурного неба. – И я позабочусь, чтобы ты меня запомнила.

Тогда я не могла убежать. Не могла сбежать, как бы сильно ни старалась. И с тех пор я бегу.

«Запомни».

И теперь он меня нашел.

Клер

– Спасибо, – говорит Крис, как только мы оказываемся достаточно далеко от остальных.

Я задыхаюсь. От бега по твердому бетону болят колени.

Хотя мне не нужно объяснять, почему Крис промедлил, он все же говорит:

– Школа всегда считалась безопасным местом. – Он с трудом подбирает слова: – Я...

– Знаю, – киваю я.

Здесь никогда ничего не происходит.

На ученической парковке было полно машин, хотя большинство учеников добирались на автобусе. К школе Оппортьюнити вела одна двухполосная дорога. За спортивными площадками темнел лес, а перед зданием тянулись бесконечные поля. Где-то вдалеке существовала цивилизация. Здесь же была лишь плоская, бескрайняя равнина под тяжелым серым небом.

У входа на парковку стояли две машины – в том числе патрульная Джонаха. Белая машина была такой пыльной, что казалась серой. Темно-синий логотип школы был еле виден. Я много часов провела на переднем сиденье. Коленки мои упирались в консоль. Я уплетала шоколадные маффины – Джонах всегда делился со мной.

Мы познакомились в прошлом году случайно. Я опоздала на последний автобус – мама позвонила сказать, что Мэтта отправили в больницу. Джонах предложил отвезти меня в город. Всю дорогу мы болтали, и его веселые истории сумели поднять мне настроение.

Через пару дней я подошла поблагодарить его, и мы еще немного поболтали. Он сказал, что ему нельзя подвозить учеников, поскольку это считается неподобающим. Но говоря это, он улыбался, и слова его прозвучали не слишком

убедительно. Со временем мне удалось настоять на своем.

Выписавшись из больницы, Мэтт дал мне одну из своих статуэток – в подарок охраннику. Джонах с гордостью поставил ее на консоль, а я обрела место, где можно было спрятаться и передохнуть. Здесь не приходилось думать о слабом здоровье Мэтта, службе сестры, Крисе, чужих ожиданиях. Мы с Джонахом просто разговаривали.

Мысль о том, что Джонах рядом, вселяла в меня уверенность. Большинство учеников не обращали на него внимания. Родители ворчали что-то насчет вторжения в личную жизнь. Но однажды Джонах сказал мне, что он не против неприязни – лишь бы ему не мешали делать свое дело. Хотелось бы мне быть такой же.

Я замедлила бег и обошла машину. Заглянув в окно, я увидела, что в салоне пусто. На консоли стоял бумажный стаканчик из местной кондитерской.

– Джонах?

Вторая машина стояла как-то странно, поперек трех парковочных мест.

– Клер? – позвал Крис. – Это не...

– Да...

Голос мой дрогнул. Эту машину я знала так же хорошо, как и Джонаха. В ней мы тоже много разговаривали – а потом происходило нечто более неподобающее.

Я давно не видела Тая, особенно после его отчисления, но всегда знала, что он вернется. Он очень заботился о своем образовании. Он гордился умением следовать правилам, даже когда другие этого не делали. И не важно, насколько смешны были эти правила. Он просто не мог поставить машину так. Но грязный коричневый капот был откинут.

– Похоже, его машина сломалась. Наверное, они пошли за помощью или за проводами.

Страх постепенно отступает. Тай вернулся. Мы не одиноки.

Несмотря на все произошедшее, Тай – хороший человек. Расстались мы или нет, но он всегда верил в меня. Он до сих пор улыбается мне, когда я захожу в магазин его отца. И всегда спрашивает про Мэтта.

Если он в школе, то защитит Мэтта. А если он приехал после речи Трентон, то сможет помочь нам.

Он должен нам помочь.

Крис снова начинает распоряжаться, и я с облегчением уступаю.

– Но почему кто-то из них не остался здесь? Почему они не взяли машину Джонаха? – спрашивает он.

Крис дергает дверь с пассажирской стороны, но машина Тая заперта.

– У Джонаха есть рация?

Я открываю дверцу машины Джонаха и заглядываю внутрь. Там очень холодно. Рации нет. Провода перерезаны. Сердце у меня падает.

– Крис?

Я поворачиваюсь, но Крис уже прижался лицом к стеклу. Он белый, как иней на траве.

– Клер, здесь динамит...

– Что?

Я подхожу ближе и спотыкаюсь. Я вечно спотыкаюсь о ноги своих товарищей по команде во время разминки. Так что даже не смотрю вниз.

– Тут еще и оружейные чехлы, – говорит Крис, рассматривая салон.

И тут я вижу то, от чего мне становится плохо. Сегодня время идет неровно – то несется невероятно быстро, то мучительно медленно ползет. А сейчас оно останавливается.

Ботинки Джонаха – ноги Джонаха – торчат из-под машины.

Я присаживаюсь, протягиваю руки. Когда мои пальцы касаются его носков, я чувствую, что щиколотки еще теплые. Я опираюсь рукой о бетон и наклоняюсь, чтобы заглянуть под машину. На земле кровь.

Под машиной в неестественной позе лежит Джонах. На меня смотрят пустые глаза.

Я с трудом сдерживаю крик. Голос Криса дрожит.

– Клер, не думаю, что что-то случилось с Тайлером. Это Тайлер случился с нами.

Отем

Страх и выживание – две стороны монеты. Этому учил меня отец. И в два последних года он доказывал это снова и снова. Ужас – главная сила: мы боимся, лишь когда нам есть что терять – нашу жизнь, нашу любовь... наше достоинство.

Прошло много времени с того момента, когда я чувствовала страх.

Но сейчас здесь Тай. Мой брат. Мой Тайлер. Его улыбка над винтовкой... Мы все зачарованы ею. Хотя нас тысяча против него одного, мы беспомощны.

Что бы сказал об этом отец?

– Иди сюда.

Я притягиваю Сильв поближе и шепчу ей на ухо успокаивающие слова. Глаза у нее безумные, по лицу текут слезы. Она бормочет что-то неразборчивое, но на мое прикосновение откликается. Дыхание ее замедляется, словно разум ее улетел куда-то в укромное место. Где бы оно ни находилось, я надеюсь, она там и останется.

- Иди за мной. Верь мне.

Я обхватываю пальцами ее запястье и осторожно тяну. Все знают Тая. Знают меня. Нам нужно двигаться.

Настроение в аудитории меняется.

Танцы учат понимать людей: ты наблюдаешь, как они держатся, как сцепляются их пальцы, когда им страшно, какими плавными становятся их движения, когда они возбуждены. Движения человека выдают угрозы, взгляд украдкой – тоску, а наглые жесты – страх, борьбу и отчаяние.

- Сильв...

Я тяну ее по нашему ряду сидений к самому дальнему от Тая углу, не дожидаясь, когда Аша последует за нами. Взгляды тех, кто рядом, просто пылают.

Свободной рукой я нащупываю балетную туфельку на браслете и крепко ее сжимаю.

Тай шагает вперед, и дверь за ним захлопывается. Мы словно в вакууме. Тишина стоит мертвая.

Мир снаружи может рухнуть, а мы даже не заметим.

Тайлер вытаскивает из кармана замок и кидает его светловолосому парнишке, что стоит ближе всех к нему. Тощий паренек чуть не роняет его.

- Будь добр, запри эту дверь.

Парнишка дрожит. Он делает шаг, двигаясь очень медленно, словно замок тянет его к земле. Он мешкает, раздаётся выстрел, и пуля проходит через плечо.

– БЫСТРО, – голос Тая эхом разносится по аудитории. – Если не возражаешь, конечно.

Парнишка прижимает раненую руку к телу. Он спотыкается. Мы все смотрим. Мы не можем помочь. Мы не сражаемся. Я молчу. Чувство самосохранения берет верх.

Паренек чуть не падает. Девушка с мышиными волосами пытается его поддержать. По-моему, ее зовут Си Джей. Она тоже из новичков.

Она смотрит на Тая и его винтовку. Тайлер кивает, милостиво даря разрешение. Полагаю, ему не важно, кто нас запрет, если это будет сделано.

Си Джей поддерживает парнишку, пока он пропускает цепь замка через дверные ручки. Замок щелкает.

Мы в ловушке.

Ключ падает на малиновый ковер. Си Джей наклоняется, чтобы подобрать его, чисто рефлексивно, и замирает.

Тай указывает на ключ винтовкой:

– Дай его мне.

Девушка смотрит на оружие и мгновенно подчиняется. Все затаивают дыхание. Что с ней будет?

Ничего.

Он протягивает руку, берет ключ и позволяет ей отступить назад, к парнишке.

Голос Тая вновь заполняет аудиторию. Он говорит спокойно, словно мы обсуждаем морозную погоду.

- К большинству из вас у меня нет претензий, так что я предпочел бы, чтобы вы не заставляли меня попусту тратить пули.

Ему нравится наш страх. Он питается им.

Это точный расчет - оружие, замки, дата, смерти. Тай тщательно продумал свой план.

Мой брат всегда любил драматические жесты.

Джей

@JЕуск32

Оружие? В школе? #OHS

10:07 AM

Джей @JЕуск32 10:08 AM

Кто-нибудь напишите мне, что случилось. #OHS

Джей (@JЕуск32) 10:08 AM

В ответ @KeviiinDR

Кевин, что там происходит? Ответь мне!

Глава шестая

10:10-10:12

Сильв

Воспоминания захлестывают меня. Хотелось бы мне уметь забывать, как Мама?. Но настоящее не лучше прошлого.

Тишина в аудитории становится напряженной и тяжелой. Только это не тишина. Все вокруг меня шепчутся, всхлипывают, молятся и ругаются. Друзья пытаются успокоить друг друга: «Возьми меня за руку», «Верь мне», «Мы справимся».

Все шепчут в мобильные телефоны: «Помогите нам!», «Я не знаю, что делать», «Нам нужно драться. Мы можем повалить его».

Это бесконечный ток страха, и Тайлер его контролирует. Только он один знает, что делает.

Девушка-чирлидер сидит скрестив ноги на полу, между двумя рядами сидений. На коленях лежит сумка, и девушка играет с брелоком на цепочке, не замечая, как по щекам текут слезы.

Моя рука тянется к телефону в сумке. Впервые за несколько месяцев мне хочется услышать голос брата. Но если он не ответит – если Тайлер нашел его, – это убьет меня.

Паренек перед нами не терзается такими сомнениями.

– Мама? Нет, нет, я не могу... Мама, послушай... В школе что-то случилось... – Голос его дрожит. – Нет, здесь человек, человек с оружием. В школе человек с

винтовкой.

«Тайлер с винтовкой, – мысленно поправляю я. – Не кто-то. Тайлер».

Тайлер идет по проходу прямо к сцене. Он не обращает внимания на учеников, сговаривающихся остановить его. Он осматривается вокруг, вглядываясь в лица. Все стараются держаться подальше, и он чувствует себя хозяином положения.

– Нет, мама. Мама, это не один из моих друзей. Ты меня не слышишь? Мы не можем выйти. Мы заперты. С Си Джей все в порядке. Я думал, он ее застрелит. Она в другом конце аудитории.

Голос ему изменяет. Я протягиваю руку, чтобы показать: нужно говорить тише. Он привлекает внимание. Если его убьют, он не поможет своей Си Джей.

– Мама, мне так страшно.

На полпути к сцене Тайлер стреляет в потолок.

– Вам никто не говорил, что неприлично болтать по телефону, когда к вам обращаются? – Тайлер разворачивается на каблуках и идет в другой конец аудитории. Что бы ни стояло между нами, я уверена, что его глаза ищут меня, как это было всегда. Куда бы я ни пошла, как бы далеко ни сбежала, мне не спрятаться от него.

Улыбка играет на его губах. Он останавливается.

Парнишка передо мной всхлипывает. Телефон выпадает из его ослабевших рук и валится куда-то под сиденье. Голос в трубке угасает.

Клер

– Нет!

Нет, должно быть другое объяснение, почему мертвый Джонах лежит под машиной Тая. Сестра взяла машину Тая. Произошел несчастный случай.

- Не Тай. Это не может быть он!

Пожалуйста!

Крис опускается на колени и закрывает Джонаху глаза. Взгляд его встревожен. Он приближается ко мне, но я отступаю.

- Клер...

- Нет, этого не может быть. Я знаю Тая.

- Ты в этом уверена? Все указывает на обратное.

- Ты мне не веришь?

- Я не верю ему. Он никогда не был добр к тебе.

Тай - зерно раздора в наших отношениях. Так было всегда, и все во мне бунтует - против Криса, против этой ситуации, против моего здравого смысла.

- Ты не должен решать это за меня.

Крис делает шаг ко мне.

- Он лгал тебе.

Я не могу согласиться, что Тай мне лгал. Он верил в меня, когда не верил никто. Он любил меня. Может быть, он не всегда говорил правду, но никогда не лгал.

- Забудь.

Я умолкаю. У нас нет на это времени. Надеюсь, тренер доберется до телефона экстренной связи, но если нет, мы должны действовать.

– Нам нужно добраться до заправки. Нужно позвать на помощь.

– Мы можем взять машину Джонаха, – предлагает Крис.

Я не проверяю, есть ли ключи в замке зажигания, но мысль о том, что мы поедем на машине, когда Джонах лежит... Когда Джонах умер? Я не могу.

Мне нужно выбраться. Выбраться. Выбраться. Выбраться.

Звуки моих шагов по бетону успокаивают. И дорога тянется передо мной.

Один, два, три, четыре. Один, два, три, четыре. Я продолжаю считать, как всегда делает на треке тренер.

Один, два, три, четыре.

Один.

Два.

Три.

Четыре.

Крис шагает за мной. Я напрягаюсь. Но когда темп устанавливается, разум мой освобождается.

– Ты же знаешь, что не обязана идти путем сестры, верно? Ты можешь добиться большего – гораздо большего. Оппортьюнити не подозревает, насколько ты драгоценна.

Тай погладил мою ладонь. Моя голова лежит на его груди, а слова льются прямо в уши.

– Я не позволю армии украсть мою девочку и заставить ее быть такой, какой она быть не хочет. У тебя есть мечты, и ты должна стремиться к ним.

Я посмотрела на него. Темные круги под глазами, напоминание об очередной драке. Как же мало Оппортьюнити ценит его мечты. Я знала, что шрамы его глубже, чем синяки. Но со мной он чувствовал себя в безопасности – и я с ним.

Мы садимся в его машину за школьной парковкой и смотрим на пустую дорогу, ту самую, по которой бегали. Оппортьюнити – городок сонный. Иногда единственный транспорт на этих улицах – машины, которые едут в школу и обратно. Даже заправка практически пуста. Сорняки чувствуют себя здесь привольно.

Мэтт называл эту заправку замаскированным штабом супергероев. Однажды Тай пообещал забрать Мэтта после уроков, потому что мистеру Брауну принадлежала и заправка, и большой магазин на Мейн-стрит. Тай собирался рассказывать Мэтту про привидения и кормить его конфетами до отвала. И Мэтту это понравилось бы. Он восхищался Таем, а Тай любил возиться с ним.

Но все это было до разрыва, до выпускного в средней школе.

Но в тот день мы все еще были вместе. Мы не догадывались о будущем, которое нас ждало.

– Какая теперь у меня мечта? – спросила я.

Мы с Трейси всегда мечтали об одном. Казалось безумием думать о какой-то другой судьбе.

Тай обнял меня крепче.

– Я всегда считал, что ты должна преподавать. Тебе нравится заниматься с младшими, и они тебя слушаются. – Он наклонился вперед и поцеловал меня в макушку. – Кроме того, так ты будешь ближе ко мне.

– Хитрюга! – Я ткнула Тая под ребра. – А о чем мечтаешь ты? Получить отцовский магазин?

- Может быть...

- Но ты же можешь отправиться куда угодно, стать тем, кем захочешь...

- Знаю. - Он помолчал. - Я хочу, чтобы мы вместе построили дом.

- Здесь, в Оппортьюнити?

- На одной из заброшенных ферм на окраине города. Там будет тихо. И спокойно. И мы оба будем в безопасности.

Я грустно улыбнулась, чтобы не лишать его мечты. Почти все в нашем классе говорили о том, чтобы уехать из Оппортьюнити, но даже если Тай и не был здесь счастлив, уезжать он не собирался. Иногда казалось, что мы с ним идем по одной дороге, но в разные стороны.

- Ты все продумал, верно?

- Да. И однажды я покажу этому миру. И они никогда меня не забудут.

Тай показал миру.

И теперь школа стала полем его битвы.

Нет!

При этой мысли шаги мои становятся сбивчивыми. Страх спутывает мои ноги, а сила тяжести тянет к земле.

Сильные руки подхватывают меня под локоть. Крис удерживает меня на ногах. Я задыхаюсь.

- Не думай. Не чувствуй. Просто беги. - Пальцы Криса сплетаются с моими.

Я киваю, чувствуя себя бесконечно малой. Если бы у меня осталось дыхание, чтобы говорить, я бы шептала молитвы любому, кто меня услышал бы.

После двадцати шагов дыхание выравнивается, но темп замедляется. Ноги мои горят. Мне хочется вырвать руку, но Крис сжимает ее. В ответ я сжимаю его руку. Может быть, мы не справимся с этим вместе, но нам точно не придется бороться в одиночку.

Томас

Фарид возвращается в кабинет директора и открывает окна. Я выскальзываю из офиса и осматриваюсь. В длинных коридорах пусто, двери всех кабинетов закрыты. Из административного крыла дверь ведет на плац, к свободе и безопасности. Главный вестибюль уходит в глубину здания, к классам и аудитории.

Выстрелы прекратились. Наступившая тишина меня пугает.

Мы не можем уйти.

Совет диспетчера службы спасения – единственный, полученный нами. На меня снисходит ощущение удивительного спокойствия. Если второго стрелка нет и все находятся в другом конце школы, мы можем побродить здесь.

Фарид идет за мной.

– В старости ты станешь невероятно предсказуемым, – замечает он. Афганский акцент вернулся. Нам не нужно притворяться друг с другом. – Как только тебе говорят, что чего-то делать не следует, ты сразу же за это берешься.

– Ты открыл окно? – спрашиваю я.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Игра слов: opportunity – возможность (англ.).

2

Богоматерь (исп.).

3

JROTC – федеральная программа подготовки младших офицеров запаса. Курс включен в программу старших классов многих американских школ.

4

Спортсмен-легкоатлет, бегун на длинные дистанции.

5

Богородица Дева, радуйся, Благодатная Мария, Господь с тобою; Благословенна Ты в женах...

Купить: https://tellnovel.me/ru/niykamp_marike/54-minuty-u-vseh-est-prichiny-boyat-sya-mal-chika-s-ruzh-em

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)